

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ГЕРЦЕН

(1860-е гг.)

Статья и публикация И. М. Белявской

Вопрос об отношении Герцена к польскому национально-освободительному движению привлекал и не перестает привлекать внимание исследователей. За последние годы этот вопрос получил дополнительное освещение как в советской, так и в польской литературе, и в настоящее время отношение Герцена к польскому национально-освободительному движению, и систематической пропаганде и защите требования независимости Польши можно считать уже достаточно выясненным. Совсем иначе обстоит дело с выяснением практических связей и отношений Герцена с деятелями польского освободительного движения и особенно с вопросом о планах совместной борьбы против общего врага — царизма, о попытках реализации этих планов. Далеко не решены эти вопросы и в работах, освещающих отношение русской революционной демократии к польскому освободительному движению. Объясняется это крайней скудостью и односторонностью конкретного материала, которым располагали исследователи. В самое последнее время как в Польше, так и в СССР были опубликованы результаты новых исследований, расширяющих наши представления о связях и отношениях Герцена с деятелями польского освободительного движения (см. И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954; J. K o w a l s k i. Rewolucyjna demokracja rosyjska a powstanie styczniowe. W., 1949; изд. 2, дополненное, — W., 1955; русский перевод: Ю. К о в а л ь с к и й. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953). Из данных, приведенных в работе польского исследователя В. Кнаповской, видно, что в 1850-е годы Герцен был связан тесным сотрудничеством не только с Польским демократическим обществом, как это было известно и ранее, но и с другой организацией польской демократической эмиграции — обществом «Польский народ» и, в частности, с секцией этого общества, возобновившей свою деятельность на территории Англии в начале 1850-х годов под названием «Революционной громады Лондон» (W. K n a p o w s k a. Lud Polski — Gromada rewolucyjna Londyn. — «Kwartalnik Historyczny», W., 1955, № 2). Материалы, использованные Кнаповской, показывают, что эмиссары «Революционной громады Лондон», как, например, Юзеф Ольшевский, распространяли не только польские издания, но и «Полярную звезду» Герцена (там же, стр. 76). Этот факт находит подтверждение и в архивных материалах III Отделения (ЦГИАМ, ф. 109, 2-й секретный архив, д. 102). Один из видных деятелей «громады», Г. Абихт, в конце 1850-х годов работал в типографии «Колокола». В работе Кнаповской убедительно показано широкое распространение изданий Герцена в Польше.

Работа польского историка И. Кoberдовой посвящена вопросам борьбы польской реакционной эмиграции, группировавшейся вокруг князей Чарторыйских, против союза польских и русских революционеров в период восстания 1863 г. (J. K o b e r d o w a. Walka czartoryszczyzny przeciwko sojuszowi polskich rosyjskich rewolucjonistów w czasie powstania styczniowego — «Z epoki Mickiewicza». Wrocław, 1956, s. 214—239).

Кобердова приводит данные, указывающие на существование какого-то общего плана действий, согласованного между польским Центральным национальным комитетом и обществом «Земля и воля» (там же, стр. 225). Но основное внимание Кобердова уделяет анализу тактики польской реакции в ее борьбе против польско-русского революционного союза. Несомненный интерес представляет то обстоятельство, что польская реакционная эмиграция и, в частности, организации, созданные Чарторийскими, как это установила Кобердова, пытались использовать Герцена и его издания в своих политических целях, но эта их попытка потерпела неудачу (там же, стр. 224).

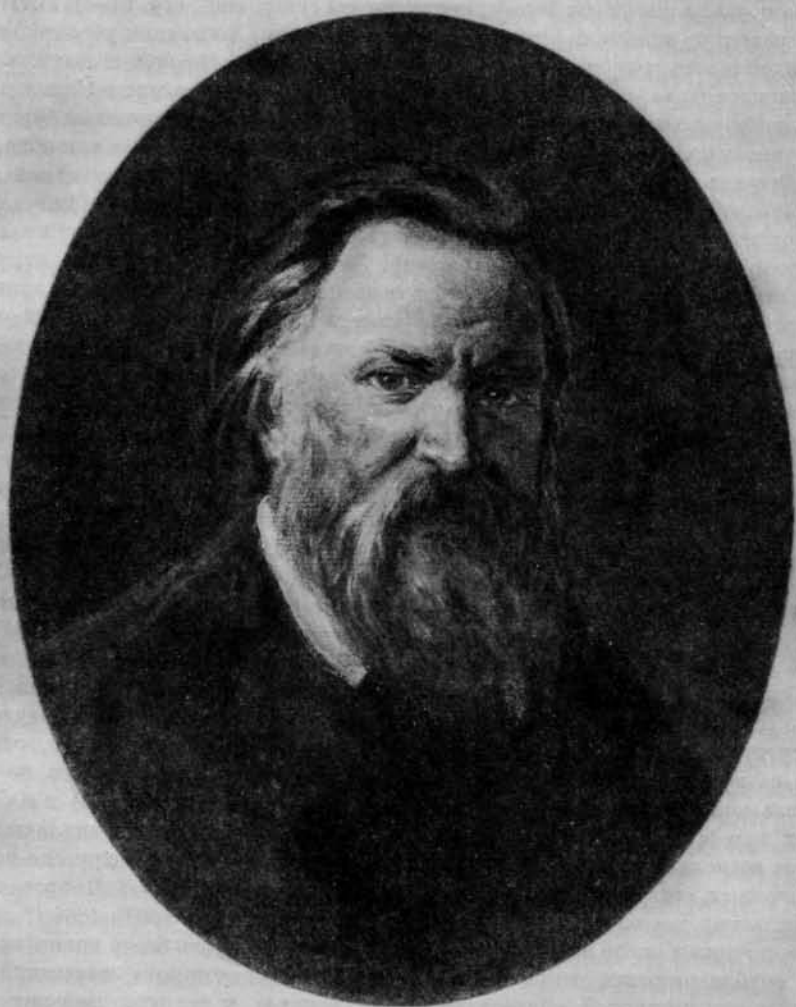
В основном теми же, что и Кобердова, материалами пользовался и второй польский историк Г. Верещицкий (см. H. W e r e s z y c k i. Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego. — *Przegląd Historyczny*, W., 1957, t. XLVIII, zes. 2, str. 234—263). Неоднократно отмечая в своей статье враждебное отношение польской аристократии, группировавшейся вокруг «Отеля Ламберт», к социально-политическим взглядам Герцена (там же, стр. 235, 237), Г. Верещицкий, тем не менее, считает возможным, вопреки им самим приведенному документальному материалу, говорить о сотрудничестве между польской аристократией и издателями «Колокола» накануне восстания 1863 г. (там же, стр. 237, 247, 250 и др.). Для обоснования этой точки зрения Г. Верещицкий выдвигает тезис о том, что «Отель Ламберт» стоял на консервативных позициях лишь в социальных вопросах. Что же касается его позиции по вопросу о независимости Польши, то он будто бы «выражал стремление польского народа к независимости и, следовательно, выражал требование, которое в тех международных условиях было требованием всего прогрессивного лагеря» (там же, стр. 253). Автор говорит, что деятели «Отеля Ламберт» были далеки от всякой революционной мысли и в то же время они будто бы понимали, что русский и польский народы могут обрести свое освобождение лишь в тесном союзе (там же, стр. 263).

Такой отрыв и противопоставление позиций «Отеля Ламберт» по социальным вопросам от решения вопроса о независимости Польши нам представляются неправомерными. Реакционные социально-политические воззрения «Отеля Ламберт» целиком определяли и его позиции по вопросу о независимости Польши. Он стремился к восстановлению старой шляхетской Речи Посполитой, но при этом был противником всяких демократических преобразований, противником народного восстания и мыслил восстановление независимости Польши путем дипломатической и военной помощи западных держав.

Что же касается вопроса о «сотрудничестве» «Отеля Ламберт» с издателями «Колокола», то это был лишь тактический маневр, рассчитанный на использование деятельности издателей «Колокола» в своих политических целях. Поэтому выводы польских исследователей по этому вопросу И. Кобердовой (см. выше) и А. Шлиша (см. A. Ś l i s z. Współpraca polskich i rosyjskich sił postępowych w polskiej prasie emigracyjnej i konspiracyjnej lat 1859—1864. — *Z dziejów współpracy rewolucyjnej polaków i rosjan w drugiej połowie XIX wieku*). Wrocław, 1956, str. 9—70) нам представляются правильными и обоснованными.

Названная работа А. Шлиша, посвященная вопросу об освещении сотрудничества русских и польских прогрессивных сил в подпольной и зарубежной эмигрантской польской печати 1859—1864 гг., интересна для советских исследователей уже тем, что в ней приведены материалы из трудно доступных изданий, отсутствующих в книгохранилищах СССР. Так, например, автор сообщает очень важные сведения об участии русских солдат и офицеров в польском восстании (там же, стр. 55—57), о численности революционной организации русских офицеров (там же, стр. 55), о призывах подпольной польской печати к революционному союзу с русским народом и одновременному выступлению против царизма (там же, стр. 59—61).

Исследованию идеологии польских революционных демократов 1860-х годов посвящена работа Ц. Бобинской (C. B o b i ŋ s k a. Ideologia rewolucyjnych demokratów polskich w latach sześćdziesiątych XIX wieku. W., 1956). Особенно важно, что в работе Бобинской разбирается вопрос о позиции польских революционных демократов после

Александр Иванович
Герцен (Искандеръ).
(1812—1870).

Издание А. М. Пухляков и В. Б. Рубин 1902 г.
и материал, сданный мной на верстку при
редактировании.

ГЕРЦЕН

Фототипия. Киев, 1901 г.

Надпись на листе принадлежит Е. С. Некрасовой
Исторический музей, Москва

поражения восстания 1863—1864 гг., когда одни из них повернули к либерализму, а другие, как, например, группа Ярослава Домбровского и Валерия Врублевского, перешли на позиции классовой борьбы пролетариата (указ. соч., стр. 91—112). Исследуя процесс развития польской революционной демократии, Бобинская убедительно показала, что это развитие происходило в условиях острой борьбы против шляхетско-буржуазного национализма, который особенно ярко проявился в отношении к Украине и польско-русскому революционному союзу. Касаясь той «националистической бури», которая обрушилась на Герцена и Огарева после появления в «Колоколе» в ноябре 1866 г. статьи Огарева о продаже имений в Юго-Западном крае, Бобинская отмечает, что среди польской эмиграции группа, объединившаяся вокруг газеты «Гмина» и солидаризировавшаяся с Герценом, была единственной, решительно выступившей против преследований «Колокола» (там же, стр. 59—61).

Существенно дополнили наши представления о связях Герцена с деятелями польского освободительного движения документы «пражской» и «краковской» коллекций, опубликованные в трех предыдущих томах «Литературного наследства». Но ни названные работы польских историков, ни публикации «Литературного наследства» нельзя считать исчерпывающими. Уже сейчас можно ввести в научный оборот новые документы, значительно расширяющие наши представления о практических связях и отношениях Герцена с польским национально-освободительным движением и, что особенно важно, об отношении польских деятелей к Герцену и к вопросу о союзе с русским освободительным движением. Одновременно с этим они дают возможность более детально осветить польско-русские революционные связи и избежать той вынужденной односторонности, на которую справедливо указал польский историк С. Кеневич в своей рецензии на мою работу о Герцене и польском национально-освободительном движении 1860-х годов (*Przegląd Historyczny*, t. XLVII, zeszyt 2. W., 1956, s. 437).

Любезность руководства Литературного института Польской Академии наук и научного сотрудника этого института проф. Р. Гербера, приславших Институту мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, в виде машинописных копий, отдельные отклики на произведения Герцена и его выступления, опубликованные в двух журналах польской эмиграции — «Польский демократ» (*«Demokrata Polski»*) и «Обозрение польских дел» (*«Przegląd Rzeczy Polskich»*), отсутствующие в книгохранилищах СССР, позволяет восполнить существенный пробел в исследовании вопроса о русско-польских революционных связях и отношениях в 50—60-е гг. XIX века. Вопрос об отношении польских деятелей к Герцену как накануне восстания 1863—1864 гг., так и в период восстания и после него мы имеем возможность осветить более полно на основе еще не опубликованных документов «пражской и «краковской» коллекций, представленных нам редакцией «Литературного наследства», и частично на основе архивных материалов III Отделения.

* * *

Уже из сочинений и писем самого Герцена хорошо известно, какую важную роль в создании русской типографии в Лондоне и распространении ее изданий сыграла польская демократическая эмиграция. В своем органе «Польский демократ», выход которого возобновился в Лондоне осенью 1852 г., деятели Польского демократического общества, польские эмигранты систематически помещали статьи и воззвания Герцена и отклики на них. Вот почему «Польский демократ» является одним из важных источников для изучения польско-русских революционных связей в эмиграции. К сожалению, мы не имеем в своем распоряжении полного комплекта этого издания и используем только сообщенные нам разрозненные материалы.

10 мая 1853 г. в «Польском демократе» было помещено воззвание Герцена об организации русской типографии в Лондоне. Откликаясь на это воззвание, «Польский демократ» в номере от 15 мая 1853 г. писал: «Герцен понимает долг русского народа. Честь ему. На нас же лежит свой долг. Время уже заявить, что мы никогда не договоримся с правительством Николая, тогда как против его сатанинского правления мы готовы в любой момент заключить братский союз с русским народом».

15 августа 1853 г. в «Польском демократе» было помещено воззвание к русскому народу, подписанное членами Централизации Польского демократического общества — Станиславом Ворцелем, Антонием Жабицким и Леоном Зенковичем. Призывая русский народ исполнить свой революционный долг и совместно с поляками выступить на борьбу против царизма, они писали: «Мы верим, что эта польская рука, которую мы сегодня протягиваем вам, почувствует ответное пожатие братской русской руки, так, как она почувствовала его во времена Бестужевых и Пестелей...». Сейчас мы можем точно сказать, что известная статья Герцена «Поляки прощают нас» была ответом на это воззвание. Именно его-то и имел в виду Герцен, когда в своей статье писал, обращаясь к русскому народу: «Пока мир тщетно ждет царской амнистии полякам, Польша дает амнистию народу русскому. Еще более. Она в лице своих демократических вожаков протягивает вам свою руку» (VII, 259). В письмах к Ж. Мипле от 13 октября и 9 ноября 1853 г. Герцен прямо говорит, что его статья «была русским ответом на адрес; составленный польскими демократами» (VII, 392).

Характеризуя изданные в 1853 г. русской типографией в Лондоне пропагандистские статьи Герцена, «Польский демократ» в статье о русской революционной пропаганде писал в номере от 25 сентября 1853 г.: «Выдающейся чертой всех произведений Герцена является их чисто революционный дух».

Уже в эти годы Герцен развивал идею совместной борьбы русского и польского народов против царизма. Эта его линия нашла яркое отражение в воззвании к «Русскому воинству в Польше» (март 1854 г.) и в статье «Польско-русский революционный союз» (май 1854 г.), опубликованной в номере «Польского демократа» от 3 июня 1854 г. В этой статье Герцен писал: «Те из русских, которые не понимают, что независимость Польши является освобождением России, не являются революционерами, не являются свободомыслящими, они не с нами».

Таким образом, факт систематической публикации статей и воззваний Герцена и откликов на них в «Польском демократе» в 1853—1854 гг. совершенно очевиден. В последующие годы эти публикации продолжались, однако отсутствие в нашем распоряжении комплекта «Польского демократа» за 1855—1861 гг. не дает возможности сказать что-либо о содержании и характере этих публикаций. Этот пробел хорошо восполняет указанная выше работа А. Шлиша (см. A. Ślisz. Op. cit., p. 24—32).

То обстоятельство, что «Польский демократ» постоянно публиковал статьи Герцена и с большой симпатией отзывался о них, свидетельствует о тесном сотрудничестве Польского демократического общества и русского революционного демократа Герцена.

Много откликов на статьи Герцена было и в журнале польской эмиграции «Обозрение польских дел», выходившем в Париже. Как заметила И. Кобердова, в этом журнале выступали люди совершенно различных политических направлений (I. Koberdowa. Op. cit., p. 207). Действительно, в журнале встречаются статьи как демократического, так и либерального и националистического направлений.

В ноябре 1858 г. в «Обозрении польских дел» появилась статья «Александр Герцен и Вольная русская типография в Лондоне». Герцен назвал эту статью замечательной и ответил на нее статьей «Россия и Польша» («Колокол», лл. 32-33 и 34 от 1 и 15 января 1859 г.). Мы, к сожалению, не располагаем текстом статьи, но из ответа Герцена видно, какого рода положения высказывались в ней. «Само собой разумеется, — писал Герцен, — что я обратил особенное внимание на те места, в которых вы выражаете ваше несогласие или недоумение» (IX, 453). В этой связи Герцен и касается «главных основ своих убеждений» относительно России и Польши. Он требует, чтобы русский народ не смешивали с русским правительством. «Кроме официальной, правительственной России, есть другая <...>, кроме Муравьева, который *вешает*, есть Муравьевы, которых *вешают*», — подчеркивал Герцен (IX, 459). Справедливо указывая автору польской статьи на оживление общественного движения в России после Крымской войны, Герцен, вместе с тем, снова попал в плен своих либеральных иллюзий относительно Александра II. Отвечая на упрек польского журнала, он писал: «Как же я могу относиться к Александру II, который никого не казнил, никого не ссыла в каторжную работу за мнения, не брал Варшавы, не мстил Польше десятки лет, не губил русские университеты и русскую литературу, так, как относился к Николаю?»

(IX, 461). Это высказывание Герцена вызвало справедливые возражения не только со стороны «Обозрения польских дел», но и со стороны «Польского демократа». «Но что нам до того, что царь никоим образом не сослал на каторжную работу, когда он запретил даже думать о Польше...», — писал автор заметки, опубликованной в «Польском демократе» в начале 1859 г. — Снисходительность к Александру II нас удивляет: мы не ожидали ее от „Колокола“ <...> Наши пути теперь разны, мы не можем писать писем ни царю, ни императрице о лучшем воспитании наследника» (IX, 471—472).

Во второй части статьи «Россия и Польша» (письмо второе) Герцен, излагая свою позицию в польском вопросе, подчеркивал, что «Польша, как Италия, как Венгрия, имеет неотъемлемое, полное право на государственное существование, независимое от России» (IX, 463). Вместе с тем во втором письме Герцен много внимания уделил и вопросу о том, что Польша и Россия *могут* «идти одной дорогой к новой свободной социальной жизни» (IX, 463). Ставя вопрос о федерации, *о желательности* объединения свободной Польши со свободной Россией, Герцен всячески подчеркивал, что «если Польша не хочет этого союза, мы можем об этом скорбеть <...> но не предоставлять ей воли мы не можем» (IX, 463. Курсив наш. — И. Б.). Итак, у Герцена на первом плане принцип самоопределения народа, и, именно исходя из этого принципа, он подходил к решению вопроса о Польше и Украине, а также вопроса о федерации. Мы считаем необходимым специально остановиться на этой стороне статьи Герцена, так как в декабре 1859 г. и январе 1860 г. в «Обозрении польских дел» была опубликована большая статья неизвестного автора под названием «Русская прогрессивная мысль и задачи поляков». Автор этой статьи прошел мимо приведенных положений Герцена и весь огонь своей критики сосредоточил на высказанной Герценом идее о желательности объединения свободной Польши со свободной Россией. Отвечая Герцену, польский автор в номере от 14 декабря 1859 г. писал: «Наш журнал в прошлом году в статье „Александр Герцен и Вольная русская типография в Лондоне“ не только дал своим читателям представление о личности Герцена и характере его произведений и деятельности относительно России, но и о его мыслях относительно нашего дела». Переходя же к статье Герцена «Россия и Польша», автор из «Обозрения польских дел» прежде всего замечает, что, хотя Герцен и не является панславистом правительственного толка, он все же, будто бы, обнаруживает панславистские тенденции. «Герцен верит, — писал он, — в возможность решения всех вопросов славянского мира и вместе с ним и России и Польши путем панславизма. Его социально-политическим идеалом является демократическая федерация» (там же). Посвящая большую часть своей статьи рассмотрению вопроса о славянской федерации, автор из «Обозрения польских дел» отрицает возможность федеративного объединения славянских народов, хотя и допускает ее теоретически. При этом с особой силой он выступает против какого бы то ни было объединения с Россией и упрекает Герцена в том, что он сталкивает Польшу в бассейн Вислы, ибо не мыслит ее «как политический организм с интегральными частями старой Речи Посполитой — Русью и Литвой» (под словом «Русь» автор статьи имел в виду Украину, а под словом «Литва» — Литву и Белоруссию. — И. Б.).

Эти откровенно-националистические тенденции польского автора с особой силой выступили в заключительной части его статьи, где он заявил: «Сегодня мы ждем от русских либералов <так автор из «Обозрения польских дел» называл Герцена и его единомышленников. — И. Б.> не столько поддержки, сколько нейтральной позиции в нашей борьбе с царем и его, таким, каков он есть сейчас, народом; как первое доказательство их искренности относительно нас мы будем считать прекращение всяких покушений на славянство (на теоретическом поприще) и откровенное пожелание счастливого пути Руси, Литве, Польше. До тех пор, пока этого не будет, пока мы не получили полного признания, мы вольно или невольно даже прогрессивную русскую мысль вынуждены будем относить в разряд наших врагов» («Обозрение польских дел» от 28 января 1860 г.).

Понятно, что Герцен не мог оставить эту статью «Обозрения польских дел» без ответа. Однако, стремясь к сплочению всех сил для борьбы против царизма, Герцен, прежде чем вынести окончательное суждение о позициях автора из «Обозрения польских дел», считал возможным обсудить спорные положения его статьи. Так, в первом

отклике на эту статью он писал: «Нет, мы не можем быть противниками, мы, действительно, как Польша и Россия, — не враги, а *разномыслящие братья* <...> Мы скажем наше мнение о спорных предметах. Такая полемика много уяснит в вопросе, она сблизит, а не разведет» (X, 213). Во втором же подробном ответе польскому автору Герцен заявлял: «*Спору*, собственно, между нами нет, а есть огромные недоразумения, происходящие от разных начал, от которых мы идем» (X, 237). Вместе с тем Герцен отмечал, что выяснение спорных вопросов осложняется тем, что у польского автора отсутствует доверие к русским, каждого из которых он считает врагом и в каждом из которых он видит «хоть немного Екатерины II и Николая I...» (X, 238).

Остаиваясь на вопросах, по которым он имел расхождения с польским автором, Герцен обращается, прежде всего, к вопросу о федерации. Отмечая две тенденции последнего десятилетия, он писал, что одна из них отражает стремление поработенных народов к независимости, тогда как вторая — стремление «одноименных народов» к политическому объединению. Обе эти тенденции Герцен считал прогрессивными. Говоря об объединении польского народа с русским в единую федерацию, Герцен подчеркивал, что это объединение может и должно быть только добровольным делом обоих народов. Одновременно с этим он отмечал, что федеративное объединение славянских народов не является задачей сегодняшнего дня, а делом будущего. «Я не думаю, — писал Герцен, — чтобы славянские народы сразу были готовы вступить в тот союз, о котором я говорил. Но если до него надобно дойти рядом разных независимых форм и отдельных сочетаний, я все же не вижу, отчего не иметь будущий союз в виду, как идеал, как широкую покойную гавань» (X, 240).

Отвечая своему польскому оппоненту, Герцен старался объяснить ему, что, ставя вопрос о федерации, он исходил не из интересов укрепления могущества России, как считал польский корреспондент, а из интересов социалистического будущего славянских народов и прежде всего России. «Мы требовали одного, — писал Герцен, — и теперь требуем: чтоб, разрываясь с Россией, она <Польша. — И. В.> глубже узнала, что за всходы прозябают, прикрытые в ней солдатской шинелью и императорской мантией...» (X, 258). Слабой стороной ответа Герцена на статью в «Обзрении польских дел» было то, что основным элементом будущего социалистического строя он считал общину, а в федерации видел логическое завершение победы общинного социализма в славянских странах. Несостоятельность и утопичность этой теории Герцена общеизвестны.

Выступление Герцена по поводу статей «Обзрения польских дел» сыграло положительную роль. Об этом убедительно свидетельствует заметка, появившаяся в июньском номере этого журнала. Пересказывая содержание статьи Герцена, автор заметки отмечает, что между Герценом и поляками сохраняются «спорные пункты и поводы к противоречию». Но одновременно с этим редакция указывает на «существующую во многих отношениях солидарность». «Герцен делает свое дело хорошо, и мы должны протянуть ему нашу братскую руку», — говорилось в статье «Обзрения польских дел». Приведенное заявление редакции показывает, что на этот раз она отказалась от ошибочной и вредной для освободительного движения обоих народов практики, объявлять врагами польского народа даже лучших представителей русского освободительного движения и русской общественно-политической мысли.

Когда для редакции «Обзрения польских дел» стало вполне ясно, что Герцен смело и решительно выступает в защиту освободительных стремлений польского народа, она с признательностью откликнулась на статьи «Колокола» по польскому вопросу в своих апрельской, майской, июньской, июльской, августовской и сентябрьской книжках за 1861 г. (см. ниже, документ № 1). Однако и на этот раз авторы статей, помещенных в «Обзрении», не избавились от националистических тенденций, уже вызвавших в свое время отпор Герцена. Так, автор статьи, помещенной в октябрьском номере журнала за 1861 г., обрушился на «Ответ Великому» Огареву, помещенный в «Колоколе» от 1 октября 1861 г. Он решительно возражал против предоставления Белоруссии, Литве, Украине права самим решить свою судьбу; против того, чтобы польские, литовские, украинские и русские революционные общества рассматривались как составные части общих революционных сил, действующих сообща. Возра-

жая Огареву, автор из «Обозрения польских дел» писал: «Мы никогда не выступим как звенья федеративной цепи, состоящей из Польши, Литвы, Украины, Москвы, а выступим как Польша 1772 г., и это является нашим ультиматумом, от которого ни один поляк не должен отступать».

Приведенные примеры показывают, что в ряде статей «Обозрения польских дел» высказывались и отстаивались националистические идеи, направленные против демократических взглядов издателей «Колокола» по национальному вопросу. Это не могло не сказаться самым отрицательным образом на совместной освободительной борьбе русских и польских революционных сил против царизма. В силу этого, ни один исследователь, намеревающийся дать более или менее всестороннюю картину развития этой борьбы и осветить позиции ее участников, не может и не должен пройти мимо статей и публикаций «Обозрения польских дел».

* * *

Вопрос об отношении к идее русско-польского революционного союза со стороны русских революционеров получил освещение как в отдельных работах, так и в публикациях «Литературного наследства». Несравненно слабее освещен в литературе вопрос об отношении к этой идее деятелей польского национально-освободительного движения. Попытаемся восполнить этот пробел на основе новых материалов, имеющих в нашем распоряжении.

В «пражской коллекции» сохранился текст речи неизвестного поляка, произнесенной 3 января 1862 г. на обеде, данном русской колонией в Гейдельберге в честь сына Герцена (см. документ № 2). Эта речь, как видно из ее содержания, представляет линию польской революционной демократии в вопросе о польско-русском революционном союзе. В ней говорится: «...Мы, которым счастливый случай позволил встретить русских, не похожих на тех, которые служат орудием деспотизма <...>, которые разделяют светлый образ мысли Герцена, мы умеем различать русский народ от русского правительства и его приверженцев». И далее: «...Герцен и все люди, разделявшие его мнения, — наши союзники, у них и у нас один враг — деспотизм, одно настоящее — общее угнетение, наконец, и цели наши почти одинаковы, потому что вы стремитесь к низвержению деспотизма, который давит вашу жизнь общественную, а мы стремимся к восстановлению нашей народной самобытности, без которой свобода и равенство у нас, а вероятно, и у вас, — невозможны <...> Мы верим и рассчитываем в решительную для нас минуту на ваше содействие, не на словах, а на деле». Таким образом, польская революционная демократия отделяла русский народ от русского царизма. Она рассматривала Герцена и его сторонников как своих союзников. Более того, она хорошо понимала необходимость союза польского и русского народов в их освободительной борьбе, исходя из общности условий и задач этой борьбы. Следует отметить также, что польская демократия представляла союз с революционной Россией не только как принципиальное соглашение сторон, но и как совместное практическое действие.

Мы публикуем ниже письмо Демократического польского общества в Кракове Герцену (см. документ № 3). В настоящее время нам, к сожалению, ничего не известно ни о составе этого общества, ни о его деятельности. Единственное упоминание о нем имеется в донесении агента III Отделения Балашевича-Потоцкого, который, пересылая список тайных польских обществ, назвал Демократическое польское общество в Кракове «опасным» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1861 г., д. 154, л. 374). Отметим лишь, что письмо этого общества Герцену является несомненным доказательством того, что связи между обществом и Герценом установились не позднее начала 1862 г.

Бросается в глаза то обстоятельство, что и выступление неизвестного поляка на обеде в честь А. А. Герцена в Гейдельберге, и письмо к Герцену от Демократического польского общества в Кракове относятся примерно к одному и тому же времени — январю 1862 г. Более того, оба эти документа содержат признание его больших заслуг в деле защиты освободительных стремлений польского народа.

Как развивались связи краковского общества с Герценом, какой они приняли характер, решить могут только дальнейшие исследования.

Выступление неизвестного поляка в Гейдельберге и письмо Демократического польского общества в Кракове не были единичными фактами. Вопрос о совместных действиях с русскими революционерами привлекал пристальное внимание деятелей польского освободительного движения. Об этом свидетельствует целая серия статей, появившаяся в журнале «Польский демократ» от 3, 17 и 30 мая, 14 и 26 июня 1862 г. под заглавием «О необходимости союза между Польшей и революционной Россией». Агент III Отделения Балашевич-Потоцкий, сообщая о появлении статьи в номере от 17 мая 1862 г., утверждал, что автором ее является Николай Акелевич (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 478). Известно, что Н. Акелевич (или Акилевич) был членом общества «Польская молодежь», находившегося в непосредственных отношениях с Герценом (И. М. Б е л я в с к а я. Указ. соч., стр. 110). Сообщая об авторстве Акелевича, Балашевич добавлял, что Акелевич вместе с Чинским выступал в мае 1862 г. на собраниях польских эмигрантов и призывал «действовать вместе с русскими демократами» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 477).

В статьях «Польского демократа», посвященных вопросу о необходимости союза между Польшей и революционной Россией, автор начинает с напоминания о предшествовавших выступлениях «Польского демократа» и Герцена по вопросу о русско-польском революционном союзе. Переходя к рассмотрению вопроса о роли поляков и Польши в освободительном движении, автор утверждает, что Польша, начиная с Барской конфедерации, похода Наполеона на Москву и кончая революцией 1848—1849 гг., выступала как носительница и защитница новых прогрессивных идей («Польский демократ» от 3 мая 1862 г.; «O potrzebie przymierza między Polską a Rosją Rewolucyjną»). Как видим, автор не делает различия между действительно демократическими, революционными выступлениями поляков и их участием в захватнических походах Наполеона. Это свидетельствовало о том, что автор идеализировал общественное движение поляков и выдавал за прогрессивные идеи и явления то, что было весьма далеко от прогрессивности. Кроме того, автору были свойственны и идеи польского мессианизма. Так, он солидаризировался со статьей в «Польском демократе», в которой говорилось, что «революционная Европа, наученная горьким опытом, хорошо теперь знает, что без Польши не может быть мира и свободы в Европе, что рядом с Польшей, приговоренной к смерти, все другие народы могут только гнить» («Польский демократ» от 17 мая 1862 г.).

Что касается отношения автора к деятельности Герцена, то в основном он дал ей правильную оценку. Характеризуя воззвания и статьи Герцена, он писал: «Эти первые призывы Герцена не остались без последствий, так как уже теперь по всей России среди военных, светских и духовных лиц распространяются сочинения, издаваемые тайно либо в самой стране, либо за границей и призывающие Россию освободиться от позорного угнетения. О некоторых из них мы уже говорили. Сейчас мы читаем в „Колоколе“ воззвание к офицерам, которое, как сообщает „Колокол“, незадолго до этого распространялось в Петербурге *...» (т а м ж е, 14 июня 1862 г.).

В условиях подъема польского национально-освободительного движения и назревания восстания польские революционеры ратовали за союз с революционной Россией. Эту линию несомненно отражали и статьи «Польского демократа» — «О необходимости союза Польши с революционной Россией». Однако следует отметить, что автор этих статей преувеличивал, когда писал, что «сознание необходимости этого союза является в Польше всеобщим» (т а м ж е, 26 июня 1862 г.). В действительности в Польше в те времена «сознание необходимости» союза с революционной Россией не могло быть всеобщим. В условиях господства царизма среди поляков получили широкое распространение антирусские националистические настроения. Более того, и в Польше, и среди польской эмиграции 50—60-х годов реакционные националистические элементы не только осуждали союз с революционной Россией, но и вели против него активную борьбу. Последнее обстоятельство правильно отметила

* Речь идет о прокламации к русским офицерам, призывавшей их стать на сторону народа в борьбе против деспотизма. Об этой прокламации сообщалось в «Колоколе», л. 133 от 15 мая 1862 г.

в своей работе Кобердова (указ. соч., стр. 221—222). Все это сильно затрудняло и не могло не затруднять деятельность небольшой группы русских и польских революционных демократов по созданию русско-польского революционного союза.

Осенью 1862 г. отношения между польскими и русскими революционерами вступили в решающую фазу. Как известно, начались переговоры сначала между представителями польской повстанческой организации и издателями «Колокола» в Лондоне, а затем между представителями польской повстанческой организации и общества «Земля и воля» в Петербурге. Следствием этих переговоров было заключение союза между польскими и русскими революционерами о совместной освободительной борьбе против царизма.

Как восприняли этот факт и как относились к нему различные представители польской общественности? Сейчас мы не в состоянии дать на этот вопрос исчерпывающего ответа из-за отсутствия необходимых материалов. Мы можем лишь показать, как были восприняты основные факты, связанные с переговорами в Лондоне, органом польской эмиграции в Париже, журналом «Обозрение польских дел».

1 октября 1862 г. в л. 146 «Колокола» было помещено письмо «От Центрального народного польского комитета в Варшаве гг. издателям „Колокола“». «Обозрение польских дел» немедленно откликнулось на него и заявило в номере от 15 октября 1862 г., что это письмо «делает возможным соглашение между русской либеральной партией и Польшей, стремящейся к восстанию, и облегчает обоим заинтересованным сторонам свержение общего гнета...». Приветствуя союз Центрального национального комитета с русскими революционерами, «Обозрение польских дел» заметило, что «из этого союза Польша сумеет извлечь пользу как для своего уже недалекого возрождения, так и для будущего» (там же). Таким образом, «Обозрение польских дел» рассматривало союз с русскими революционерами чисто практически, с точки зрения той выгоды, какую может принести этот союз Польше.

Что же касается принципиальных положений письма Центрального национального комитета, то «Обозрение польских дел» не преминуло высказать по некоторым из них свои критические замечания. Прежде всего журнал выразил свое недовольство тем обстоятельством, что в письме вопрос о восстановлении Речи Посполитой в составе всех прежних земель (украинских, белорусских, литовских и польских) не был поставлен со всей решительностью, с какой, по мнению журнала, это следовало сделать. По-видимому, «Обозрение польских дел» имело в виду следующее положение письма: «Мы стремимся к восстановлению Польши в ее прежних границах, оставляя народам, в них обитающим, т. е. литвинам и русинам, полную свободу остаться в союзе с Польшей или распорядиться собою согласно их собственной воле. В настоящих же наших приуготовительных действиях мы почитали нашею святейшею обязанностью употребить все усилия для того, чтобы Литва и Украина шли параллельно с Польшею и чтобы народное восстание одновременно охватило все части угнетенной родины нашей» («Колокол», л. 146 от 1 октября 1862 г.).

«Мы хотели бы, — заявляло по этому поводу «Обозрение польских дел» 15 октября 1862 г., — чтобы Центральный комитет в более решительном тоне высказался о единстве земель Руси <Украины. — И. Б.>, Польши и Литвы <включая и Белоруссию. — И. Б.>...». Это требование было несомненно направлено против положения письма о предоставлении украинскому, белорусскому и литовскому народам «полной свободы остаться в союзе с Польшею или распорядиться собою согласно собственной воле». Что это так, становится совершенно очевидным после ознакомления со статьей «Обозрения польских дел» — «Польша и революционная Россия», опубликованной в номере от 15 ноября 1862 г. В этой статье, в которой комментируются брошюра М. А. Бакунина «Народное дело», письмо издателей «Колокола» Центральному национальному комитету в Варшаве и их письмо к русским офицерам в Польше, мы читаем: «...Комитет по вопросу о ирвинциях, составляющих Польшу, должен был яснее и смелее сформулировать свое мнение и не колеблясь заявить, что провинция, которая в момент освобождения страны захотела бы получить самостоятельную автономию, выступила бы против патриотической и органической солидарности, какую по природе вещей обладает всякое государство. Мы видим, что

издатели „Колокола“, как в шахматной игре, воспользовались этой ошибкой противника и на принцип, выдвинутый поляками, что материальная сила не является законом, ответили принципом, что историческое право не является силой».

Небезынтересно отметить, что разделы письма Центрального национального комитета, касающиеся вопроса о литовских, белорусских и украинских землях, подверглись критике и со стороны Герцена. Но это была критика с принципиально иных позиций. Герцен справедливо критиковал это письмо за то, что в нем не было ясно высказано положение о праве на самоопределение для народов этих земель. Именно поэтому еще во время переговоров в Лондоне он просил польских представителей «по-сильнее оттенить и яснее высказать мысль о самозаконности провинций» (XIV, 437). Революционный демократ Герцен распространял право на самоопределение на все народы и, последовательно отстаивая это требование, страстно желал, чтобы оно нашло признание и у деятелей польского освободительного движения. Представители Центрального национального комитета во время лондонских переговоров согласились «оттенить» в своем письме положение о «самозаконности провинций», но сделали они это из чисто тактических соображений (см. XIV, 438). Что же касается «Обозрения польских дел», то оно заняло по этому вопросу непримиримую позицию. В номере от 15 ноября 1862 г., откликаясь на письма издателей «Колокола» Центральному национальному комитету в Варшаве и русским офицерам в Польше, помещенные в «Колоколе» от 15 и 22 октября 1862 г., «Обозрение польских дел» возобновило свои обвинения в адрес русских революционеров в панславистских стремлениях и объявило их своими противниками. «Пока либеральная Россия не признает и не пожелает восстановления Польши в ее границах до разделов, — писало «Обозрение польских дел», — до тех пор мы, поляки, не можем выступить с нею рука об руку по всем вопросам, а можем лишь сотрудничать в деле ослабления и свержения царизма». Определяя отношения деятелей польского освободительного движения с русскими революционерами, «Обозрение польских дел» требует от них соблюдения осторожности и предостерегает против близких контактов. В частности, «Обозрение польских дел» заявляло, что поляки не должны участвовать в работе русских революционных организаций, а русские офицеры, находящиеся в Польше, не должны принимать участия в совещаниях польской повстанческой организации. Вместе с тем, «Обозрение польских дел» признавало, что деятельность издателей «Колокола» и их революционная пропаганда подрывают силы царизма и тем самым служат «польскому делу». Поэтому оно допускало сотрудничество с ними, но лишь «для ослабления и свержения царизма». Такое понимание союза было распространенным явлением среди польских шляхетских революционеров, и это ставило русских революционеров в чрезвычайно трудные и сложные условия, особенно тех русских революционеров, которые, как и Герцен, союз с польским освободительным движением мыслили и как «теоретическое согласие», и как совместную борьбу на основе принципов «земля крестьянам, самобытность областям» (XV, 515).

* * *

Переговоры издателей «Колокола» с представителями Центрального национального комитета в сентябре 1862 г. в Лондоне, а затем переговоры представителей общества «Земля и воля» с представителями польской повстанческой организации, происходившие в Петербурге в начале декабря того же года, означали, что отношения деятелей русского и польского освободительного движения вступили в новую фазу — фазу практической организации совместной борьбы против царизма. Следует, однако, заметить, что осуществление планов совместной борьбы наталкивалось на серьезные трудности. Националистические взгляды, большие расхождения с Герценом во взглядах по программным вопросам борьбы не позволяли деятелям польского освободительного движения полностью и последовательно воспринять принцип Герцена: «Земля крестьянам, самобытность областям». Даже Бакунин после переговоров с представителями Центрального национального комитета, обращаясь к одному из польских деятелей, отмечал: «Если бы достигнуть полного соединения с вашими соотечественниками,

тогда бы мы разрушили всю администрацию. Но враги наши портят все, и союз вожденный еще не состоялся. Может быть события решат и сблизят» («Летописи марксизма», 1927, № 4, стр. 77). Все это ставило издателей «Колокола» в чрезвычайно сложное положение и особенно в связи с быстро надвигавшимися событиями в Польше.

Известно, что издатели «Колокола» были против немедленного восстания и делали упор на широкую подготовительную работу к нему. Вместе с тем, они отдавали себе ясный отчет в приближении польского восстания и в связи с этим не могли не определить своего отношения к нему. Уже в октябре 1862 г. в письме к русским офицерам в Польше Герцен и Огарев высказались по этому вопросу. Так, они полагали, что польское движение может способствовать развитию «земского дела», и поэтому русские революционеры, участвуя в «польском деле», не должны «распуститься» в нем, а должны сохранить себя для «русского дела». Степень участия русских революционеров в польском движении издатели «Колокола» ставили в зависимость от того, какой оно примет характер «относительно главного земского вопроса и относительно провинций». Только при этом условии издатели «Колокола» считали, что польское восстание может послужить ферментом для восстания в России. В вероятность последнего в конце 1862 и начале 1863 г. они верили мало (см. XV, 515—517). Польское восстание назревало в условиях спада революционной волны в России, и рассчитывать при этих обстоятельствах на начало крестьянского восстания в России вряд ли было возможно.

Совершенно иную позицию по всем этим вопросам занимал М. А. Бакунин. Уже осенью 1862 г. он требовал от Герцена «подымать знамя на дело», т. е. на восстание («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», СПб., 1906, стр. 200). Перлюстрированные письма Бакунина из «краковской коллекции», одно из которых мы публикуем ниже (см. документ № 4), позволяют более полно осветить позицию Бакунина по вопросу о польском и русском восстании и тактических расхождениях между ним и Герценом по этим вопросам. Так, в письме от 21 ноября 1862 г. к члену эмигрантского общества «Польская молодежь» Пшевлюцкому Бакунин писал: «„Колокол“ имеет свое данное направление <...> может быть, они правы, что не хотят изменить старому плану, рассчитанному на более долгое время. Пусть „Колокол“ продолжает следовать своему направлению, нам все-таки симпатичному, хотя и не соответствующему горячим требованиям времени». Из этого письма очевидно, что тактический план издателей «Колокола» не импонировал Бакунину. Он хотел приготовить все к «большому гуляню», т. е. к восстанию. Утратив чувство реального, он уверял своих польских корреспондентов (см., например, его письмо к Амборскому, члену общества «Польская молодежь» от 12 октября. — «Летописи марксизма», 1927, № 4, стр. 77—78; в «краковской коллекции» сохранилась перлюстрационная копия этого письма), что «в России сотни наших пробегает деревни и призывают к крестовому походу против монархизма», что русские войска помогут полякам, что офицеры теперь не николаевской школы, что «партия» русских революционеров готовится, а ее денежный фонд увеличивается. Достаточно вспомнить замечания по этим вопросам Герцена, трезво оценивавшего положение вещей, — например, его замечание о средствах так называемого «общего фонда» как о весьма скромных (см. XV, 545), чтобы ясно представить себе насколько Бакунин выдавал желаемое за действительное.

В письме от 23 ноября 1862 г. к представителю «Отеля Ламберт» (группе аристократически-националистической эмиграции в Париже) Косиловскому Бакунин, развивая планы «большого гуляня», писал: «Необходимо теперь как можно быстрее и как можно сильнее действовать на Новороссийско-Бессарабское, особенно же на Кавказское войско, дабы они встали вместе с польским восстанием и, вместо того, чтобы душить черкесов, бессарабов, грузинов и украинцев, шли бы освобождающим ополчением прямо на Москву. Вот прямая цель наших действий. Вы нам можете и должны помочь» («Летописи марксизма», 1928, № 5, стр. 64; письмо также сохранилось в перлюстрационной копии в «краковской коллекции»).

Герцен был решительным противником авантюристического подхода к восстанию, нигилистического отношения к программным теоретическим вопросам борьбы, что

так свойственно было Бакунину и что, как нельзя яснее, он выразил в своей брошюре «Народное дело», опубликованной в 1862 г., и в письмах к польским деятелям. В конце 1862 г. Бакунин писал им: «Я и друзья мои не думаем более о границах, а только о возможно скорейшем низвержении общего врага, общими силами» («Летописи марксизма», 1928, № 5, стр. 59). Бакунин утверждал: «Наше... дело разрушить ту империю, которая скрывает его <русский народ. — И. Б.> так же, как и польский народ» (там же, стр. 67). Он был убежден, что к весне 1863 г. произойдет польско-русское восстание (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», цит. изд., стр. 210). Издатели «Колокола» решительно осуждали авантюристические стремления Бакунина. Так, Огарев писал ему: «Ты затем и хочешь вредной попытки потому, что она тебе дает занятие, хотя бы и вредила делу... Если ты ищешь себе занятие хотя бы по дороге погибла надолго русская свобода и рост внутренней организации народа — я враг тебе» (там же, стр. 203—204). Из всего сказанного очевидны серьезные расхождения, существовавшие между Герценом и Бакуниным в конце 1862 г. по вопросам русского и польского движения. Эти расхождения положили начало разрыву между ними.

В период начавшегося польского восстания Герцен не только приветствовал освободительную борьбу польского народа, но и признавал необходимость практической поддержки польского восстания русскими революционерами. Главной причиной этого шага были надежды Герцена на возможность военно-крестьянского восстания весной 1863 г., возникшие у него в связи с польским восстанием (см. XIV, 436). Герцен полагал, что польское восстание окажет непосредственное влияние на оживление освободительного движения в России. Эти надежды пронизывают многие письма Герцена первой половины 1863 г. Так, в одном из них (от 4 апреля 1863 г.), адресованном В. И. Касаткину, Герцен писал: «А поляки — молодцы, решились, во что бы ни стало, продолжать революцию, которая будет зарею нашей свободы <...> Если к тому же наши удачно устроят, то правительство исчезнет, как призрак, — верю в успех» (XVI, 202). Как видно из писем Герцена этого периода, он предпринимал какие-то практические меры для активизации освободительной борьбы в России и, в частности, посылал туда своих людей (см. XVI, 201). Но деятельность издателей «Колокола» не ограничивалась этим. Письмо А. А. Герцена к А. Пипо (см. документ № 7) говорит о подготовке какой-то экспедиции, которая несомненно связана с революционными планами издателей «Колокола».

На основании писем Герцена можно проследить его связи и отношения с польскими деятелями в период восстания 1863 г. Дополнительные сведения по этому вопросу дают архивные материалы. Так, в письме из Парижа от 14 июля 1863 г., находящемся в архиве III Отделения, перечисляются фамилии большой группы польских эмигрантов (более 50 человек) и среди них фамилии Ярослава Домбровского, Погожельского, Эльжановского, Акилевича и других. В нем говорится: «Герцен делает с ними общее дело» (ЦГИАМ, ф. 109, 2-й секретный архив, 1863 г., д. 526, л. 2). Публикуемое в данном томе письмо А. Милевского является подтверждением этого факта с польской стороны (см. документ № 6).

Следует, однако, отметить, что Герцен сомневался в том, примет ли польское восстание народный характер, и в связи с этим сомневался и в целесообразности непосредственного участия в нем русских революционеров. Эта позиция Герцена нашла яркое отражение в его письме к В. О. Ковалевскому от 7 апреля 1863 г. (см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 139—140). Значительное влияние на Герцена оказала и позиция самого Центрального национального комитета, стоявшего во главе восстания. В письме комитету от 2 февраля 1863 г. Бакунин писал: «Вы поставили нас, моих друзей и меня, в очень критическое и сложное положение. После всех взаимных выражений симпатии <...> мы даже и сейчас не уверены, желаете ли вы нашего участия...» (XVI, 51).

В письме к Герцену от 1 августа 1863 г. Бакунин сообщал, что комиссар экспедиции на пароходе «Ward Jackson», Демонтович, заявил, что он не только не желает, но и боится русской революции как страшного зла, ибо от «императорства» еще можно будет рано или поздно освободиться, а русская социальная революция «окончательно

затопит польскую цивилизацию» (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», цит. изд., стр. 234). Антирусские националистические тенденции среди польских повстанцев еще более усилились с присоединением к восстанию «белых» и их вхождением в Центральный национальный комитет. В связи с этим осенью 1863 г. издатели «Колокола» отмечали: «Союз с национальным правительством был шаток <...> Надо было держаться на бессознательной симпатии и долбить все ту же мысль о самобытности провинций...» (там же, стр. 255).

Ход событий в Польше и России в 1863 г. был таков, что польское восстание не переросло в крестьянское и не зашевелило, как дрожжи, всей России. Надежды издателей «Колокола» на военно-крестьянское восстание в России весной 1863 г., возникшие у них на короткое время в начальный период польского восстания, оказались тщетными.

* * *

В борьбе против издателей «Колокола» и их деятельности по созданию русско-польского революционного союза III Отделение не ограничивалось организацией слежки за русскими и польскими революционерами и всякого рода репрессиями. Одновременно с этим III Отделение применяло метод провокаций против совместной деятельности польских и русских революционеров, воспользовавшись тем обстоятельством, что в польской среде были живучи антирусские настроения. Умело используя эти настроения, III Отделение провело ряд провокаций, сопровождавшихся усилением националистических выпадов польских деятелей против России в целом, в том числе и против русских революционных демократов Герцена и Огарева. Видную роль в организации этих предательских действий играл агент III Отделения Юлиан Балашевич-Потоцкий. Агентурная служба отставного подпоручика Балашевича-Потоцкого началась в III Отделении в конце мая 1861 г. с «благословения» московского митрополита Филарета. III Отделение направило Балашевича в Париж, снабдив его паспортом на имя графа Альберта Потоцкого (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 532). Перед ним была поставлена задача не ограничиваться слежкой за деятельностью польской эмиграции и ее связями с издателями «Колокола», а проникнуть в ее организации и постараться разложить их, столкнуть друг с другом и с издателями «Колокола» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, лл. 147, 163, 209).

Уже в своих первых донесениях из Парижа летом 1861 г. Балашевич предложил III Отделению ряд мер, направленных на борьбу с революционным движением. Он писал: «Недурно против пропаганды Герцена и К^о устроить частный орган (без прямого содействия правительства), который занимался бы рецензией статей лондонских издателей. Орган можно издавать в Берлине или Лейпциге, этим можно не только остановить революционные идеи, но даже сокрушить» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 13).

Очевидно, в связи с этими планами Балашевича следует рассматривать его статью «Русские ренегаты», написанную им в 1862 г. Эта статья, направленная против издателей «Колокола», сохранилась в архиве III Отделения (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, лл. 482—490). Для какого издания она предназначалась и была ли она напечатана, установить не удалось. Ряд провокационных статей Балашевичу-Потоцкому удалось поместить в «Польском демократе». Номера газет с этими статьями он пересылал в III Отделение как своего рода «вещественное доказательство» успешности своей деятельности (упоминания о таких присылках содержатся: ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, лл. 213, 289, 290, 291 и др.).

Одним из первых практических шагов Балашевича было создание особого общества для разрушения «партий» Л. Мерославского и демократов, которых царское правительство считало наиболее опасными. Балашевичу удалось сделаться секретарем этого общества (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 36), а несколько позднее он проник и в число членов Демократического общества. Через связи и знакомства среди польских эмигрантов Балашевич получал нужные ему сведения и соответствующим образом использовал их. В конце 1862 г. он завязал переписку с М. А. Бакуниным (см. XV, 596—599), подписывая свои письма псевдонимом «Абракадабра».

О том, насколько Бакунин доверял Балашевичу, свидетельствует его письмо к Балашевичу от 21 февраля 1863 г., сохранившееся в перлюстрационной копии в «краковской коллекции». «Извините, что так долго не отвечал. — писал в этом письме Бакунин. — Времена настали важные. Поэтому и времени не много. Так вы собираетесь в Польшу. Неужели нам не суждено с вами увидеться? Недели через две я буду в Париже. Позволите ли вы мне вас отыскать, любезный незнакомец? А может быть, встретимся в Польше, хотя я туда поеду позже, чем прежде предполагал? Центральный комитет дал такое направление делу, что русским почти там делать нечего... Но я все-таки не отчаиваюсь и верю, что наша мысль любви и соединения победит, и готов служить мыслью и делом. Надеюсь, что недели через три и я буду в Польше, а до тех пор прошу вас продолжать переписку, которая меня все более и более интересует. Прощайте — до свиданья. Ваш М. Б а к у н и н» («краковская коллекция»).

Балашевич, конечно, не преминул использовать сведения, сообщенные ему Бакуниным, для организации слежки за ним и всеми русскими, намеревавшимися принять участие в польском восстании.

Одной из важнейших целей, которую ставил перед собой Балашевич, было возбуждение непримиримой вражды между польской эмиграцией и Герценом (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 163). В одном из донесений он писал: «Если правительству угодно, то мы составим сильную оппозицию против Герцена и К^о» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 209). Балашевич приложил много усилий для того, чтобы разорвать дружеские связи и отношения, завязавшиеся между Герценом и представителями польской революционной эмиграции. В ряде случаев Балашевичу удавалось этого достигнуть. Так, 6 декабря 1862 г. он доносил в III Отделение о том, что «Островский вследствие нашего ходатайства порвал отношение с Герценом и послал к нему обличительное письмо, требуя, чтобы он в „Колоколе“ его напечатал» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 209). Из донесения Балашевича нельзя установить, что за «обличительное письмо» направил Островский Герцену и каково было его содержание. Островский, о котором говорится в донесении Балашевича, это, по всей вероятности, Кристин Островский, которого Балашевич называл корреспондентом многих журналов и бывшим союзником Герцена. Как долго продолжался разрыв отношений между Герценом и Островским и при каких обстоятельствах отношения между ними восстановились, остается неизвестным. Следует, однако, отметить, что в период восстания 1863 г. их отношения, как это явствует из писем Герцена, были налажены (см. XVI, 150).

III Отделение с помощью Балашевича-Потоцкого предприняло ряд провокационных мер, чтобы «поссорить» Мерославского с русскими революционерами, и, в частности, с Бакуниным, а затем и с издателями «Колокола». Успешное осуществление этой провокации облегчалось для Балашевича тем, что у Мерославского были сильные националистические антирусские настроения. Мерославский был решительным противником предоставления национальных прав украинскому, белорусскому и литовскому народам. Он рьяно отстаивал границы 1772 г. для Польши (см. «Летописи марксизма», 1927, № 4, стр. 79). После переговоров представителей Центрального национального комитета с издателями «Колокола» Мерославский выступил с нападками на них во французской прессе (там же, 1928, № 5, стр. 66). Бакунин подготовил против Мерославского статью, в которой давал ответ его националистическим выходкам. В «краковской коллекции» имеются копии писем Бакунина от 26 декабря 1862 г. на имя И. Фрича (о котором см. ниже в публикации Ш. Ш. Богатырева) и от 5 января 1863 г. неизвестному поляку. И в том и в другом письме речь идет о статье Бакунина, направленной против Мерославского, о ее переводе на славянские языки и, в частности, на польский и о помещении ее в парижском «Обзрении польских дел». Этим спором между Бакуниным и Мерославским воспользовался Балашевич-Потоцкий. М. К. Лемке первый обратил внимание на ту роль, которую сыграло III Отделение в разрыве отношений между Мерославским и Бакуниным (см. XV, 595—596). Как верно отметила Кобердова, Балашевич-Потоцкий с помощью анонимных писем и статей ловко «подогревал» и усиливал спор между Бакуниным и Мерославским, пока дело не дошло до полного разрыва между ними (I. K o b e r d o w a. Op. cit.,

р. 231). После этого Балашевичу-Потоцкому уже нетрудно было уверить Герцена о готовящемся против него и других членов общества «Земля и воля» заговоре во главе с Мерославским (письмо от 7 июля 1863 г.). Под письмом Балашевича-Потоцкого стоит подпись «Андрей». При публикации этого письма в 62-м томе «Литературного наследства» (стр. 485—486, 499) мною была допущена ошибка. Я тогда не установила, что это письмо написано Балашевичем-Потоцким, и высказала предположение, что оно принадлежит неизвестному польскому деятелю.

Особенно большой размах приняли провокации Балашевича-Потоцкого, направленные против русско-польского революционного союза, в период польского восстания 1863 г. Известно, с какой горячей симпатией выступил «Колокол» в защиту и поддержку польского восстания. Известно также, что издатели «Колокола» связывали с польским восстанием свои надежды на подъем освободительного движения в России. В какой-то мере эти надежды и планы издателей «Колокола» были известны III Отделению. Оно стремилось их парализовать, посеяв рознь и недоверие между Герценом и деятелями польского восстания и сорвав таким образом их сотрудничество и совместную борьбу против царизма.

М. К. Лемке опубликовал ряд документов, связанных с провокацией III Отделения против Герцена и польских революционеров в период восстания 1863 г. Так, 9 июня 1863 г. Герцен в письме к польскому публицисту Юлиану Клячко взволнованно сообщал о получении им «странного» письма. «Сдано оно на почту в Париже, — писал он, — датировано 1 мая в Варшаве, снабжено печатью Центрального комитета и помечено № 14» (XVI, 284). В примечании к этому письму М. К. Лемке поместил текст «странного» письма, требующего от имени Центрального национального комитета прекращения всякого «вмешательства» Герцена в ход польского восстания и обвиняющего Герцена в панславизме. В конце июня или начале июля 1863 г. Герцен получил новое письмо-фальшивку от имени Центрального национального комитета, требующего удаления «всех агентов г. Герцена, равно и всех тех, кому он поручил пропаганду панславистских идей и идей о славянской федерации» (XVI, 371). М. К. Лемке по этому поводу заметил: «Позже, в ноябре 1863 г., Герцен окончательно установил неподлинность этих обоих писем: они были подделкой не без участия III Отделения и, в частности, Балашевича-Потоцкого» (XVI, 372). Новые архивные материалы полностью подтверждают предположение М. К. Лемке. Вот что писал Балашевич-Потоцкий в секретном донесении от 12 июня 1863 г., сохранившемся в «краковской коллекции»: «Действия мои против Герцена увенчались полным успехом. Я послал сообщить главным лицам, что Варшавский Народный комитет приказал порвать все сношения с Герценом. На это члены ответили: «Мы это знаем». Эмиграция не только в Париже, но и во Франции была убеждена в истине этого. Я достиг цели очень просто: в посылках из лагеря инсургентов я прибавлял разным почерком: „Warszawski Rząd Narodowy rozkazał zerwać stosunki z Hercenem» *. Десятки подобных приписок убедили в истине. Чтобы это дело упрочить, я вчера отправил в Краков к моему агенту (письмо похожее руки Герцена), в котором он советует своим не вмешиваться в революцию Польши и пр. Копию этого письма я поручил сообщить в Варшавский комитет. Из прилагаемой копии письма Герцена к J. Klasczko легко убедиться, как сильно затронуто самолюбие Герцена, который в течение четырех лет поддерживал агитацию Польши и, мечтая руководить, как Вольтер, адептами разных наций, видит разрушенные мечты. Его письмо выказывает его нравственные страдания. Я подожду до 15 июня. Увидим, что он скажет в «Колоколе», а равно и ответ J. Klasczko. Для этого сегодня я отправил J. Klasczko письмо на бланке Главного комитета. Копию одного прилагаю».

В донесении от 28 июня 1863 г. («краковская коллекция») Балашевич-Потоцкий сообщал о новых своих провокациях: «Эмиграция в Париже достаточно подготовлена, а чтобы и в Кракове достигнуть цели, поэтому отправлено мною письмо псеудо-Герцена, в котором Герцен советует своим не принимать участия в польской революции,

* «Варшавское Национальное правительство приказало прекратить отношения с Герценом» (польск.).

потому что эта революция кастическая, а не народная. Письмо это вызвало волнение в краковской партии, результатом которого будет удаление Герцена (из донесения агента это видно).

Эта провокация Балашевича-Потоцкого несомненно посеяла недоверие и подозрительность в отношениях между русскими и польскими революционерами и способствовала временному прекращению их отношений. И. Кобердова, приведшая ряд новых данных о провокационной деятельности Балашевича-Потоцкого в 1863 г., сделала правильный вывод о том, что успех этой провокации стал возможен в атмосфере шовинистических, антирусских настроений, разжигавшихся польской реакцией (I. K o b e r d o w a. Указ. соч., стр. 233).

* * *

Наименее изученным периодом в истории русско-польских революционных связей и отношений и, в частности, отношений между Герценом и польской демократической эмиграцией является вторая половина 1860-х годов. Из событий этого периода некоторое освещение получил конфликт издателей «Колокола» с польской демократической эмиграцией в связи с появлением в «Колоколе» от 1 ноября 1866 г. (л. 224) статьи Огарева «Продажа имений в Западном крае» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 133—136) и вопрос о сотрудничестве издателей «Колокола» с группой польских демократов, издававших журнал «Гмина» (там же, т. 62, 1955, стр. 575—581; C. B o b i ŋ s k a. Ideologia rewolucyjnych demokratów polskich w latach sześćdziesiątych XIX wieku. W., 1956, стр. 57—61).

Ниже мы публикуем протест польских эмигрантов против статьи Огарева о продаже имений в Западном крае (см. документ № 8). Этот документ убедительно показывает, что критика статьи Огарева велась с националистических шляхетских позиций. Ограниченность и фрагментарность выявленных материалов не позволяет воссоздать сколько-нибудь полную картину связей и отношений Герцена с деятелями польского освободительного движения в последний период его жизни. Это дело будущего. Однако, говоря об этом периоде, следует отметить два важных обстоятельства, характеризующих как русское, так и польское освободительное движение конца 1860-х годов. Как в первом, так и во втором происходит знаменательная эволюция в среде демократических деятелей. Одни из них отходили от революционного движения и переходили на позиции либерализма, другие, как русский революционный демократ Герцен и польские революционные демократы Ярослав Домбровский, Валерий Врублевский, обратили свои взоры к Интернационалу, к позициям единственного последовательного революционного класса — пролетариата.

1]

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПРЕССА О ГЕРЦЕНЕ

Мы помещаем ниже заметку о Герцене из «Обозрения польских дел» от 3 июля 1861 г., свидетельствующую о том, что в этом журнале публиковались не только националистические выпады против Герцена, но и материалы, в которых выражалась глубокая симпатия к нему, особенно в связи с его защитой и поддержкой национально-освободительного движения польского народа. Публикуемая заметка была предпослана письму Герцена к редактору «Обозрения польских дел», опубликованному в этом издании (печатается по тексту журнала в переводе с польского).

Мы получили от г. Александра Герцена, известного редактора «Колокола», письмо на французском языке, которое в соответствии с высказанным в нем желанием, считаем своим долгом опубликовать в польском переводе¹. Под благодарственными адресами, присланными нашими соотечественниками г. Герцену, мы охотно ставим и свою подпись. Достойный основатель Вольной русской типографии в Лондоне, наряду с глубоким сочувствием к нашему несчастью, всегда признавал наши национальные права. Тяжело переживая варшавские события², он освободился от остатков своей

веры в нынешнего царя и, не колеблясь, решительно заявил, что *полное освобождение Польши является безотлагательной потребностью славянства*. Постоянная симпатия и это последнее столь благородное выступление привлекают к г. Герцену польские сердца. Поляки знают, что именно его произведение способствовали возбуждению дружественных нам чувств у многих его соотечественников, которые, как Попов, показали это своей смертью³. Поляки надеются и верят, что за этими отдельными доказательствами сочувствия последует множество их. Вот за это внедрение в свой народ справедливых понятий о Польше поляки и испытывают к Герцену самую большую благодарность.

¹ Герцен выражал в своем письме благодарность всем полякам, приславшим ему приветственные письма и адреса в ответ на статьи «Колокола» о Польше (см. XI, 111—128).

² В феврале — апреле 1861 г. в Варшаве состоялись патриотические демонстрации. Царские войска стреляли в демонстрантов. Герцен отозвался на эти события рядом статей.

³ Во время демонстрации в Варшаве 27 февраля 1861 г. один из русских офицеров, несмотря на приказ генерала, запретил своим солдатам стрелять в демонстрантов. Герцен, описывая этот случай в статье «Vivat Polonia!», не называет фамилии офицера (см. XI, 47). «Обозрение польских дел» в номере от 6 апреля 1861 г. сообщает, что это был капитан Попов, расстрелянный в тот же день.

2

РЕЧЬ НЕИЗВЕСТНОГО ПОЛЯКА В ЧЕСТЬ ГЕРЦЕНА И СОЮЗА С РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЕЙ

Как видно из содержания публикуемой речи, она была произнесена на банкете в Гейдельберге. Когда и по какому поводу состоялся этот банкет и кто в нем участвовал, можно уяснить из следующих данных: в доведении агента III Отделения Балашевича-Потоцкого от 20 января 1862 г. сообщалось: *«В Гейдельберге русские путешественники давали банкет для сына Герцена (3 января), куда пригласили и поляков. Были произнесены речи и пр. По телеграфу известили Герцена об этом, и он ответил благодарностью. Между русскими и поляками на этом банкете заключен союз для взаимных действий и составлен акт»* (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 341).

Достоверность сведений, сообщаемых Балашевичем-Потоцким, подтверждается рядом других документов. Так, И. С. Тургенев в письме к Герцену от 25 января 1862 г. писал: «Дошли до меня слухи об овациях, делаемых твоему сыну русской молодежью в Гейдельберге и в Карлсруэ. Я порадовался за тебя, за твоего сына, а — главное — за русскую молодежь» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 143).

В отчете шефа жандармов за 1861 г., представленном царю в начале 1862 г., говорилось: «В декабре же месяце двадцатилетний сын Герцена приезжал в Гейдельберг. По сему случаю проживающие там в значительном числе русские давали обед, пригласив на оный и поляков, и тут провозглашены были тосты в честь Александра Герцена с отдачею ему похвалы за старания его о соединении национальностей русской и польской» (XI, 375).

В тесную связь со всеми этими данными становится и следующий текст из письма Герцена к сыну от 21 декабря 1861 г.: «На твой вопрос о празднике мне отвечать трудно, не зная, что будет. Одно я тебе советую: веди себя как можно скромнее. Скажи, что ты одного ищешь и хочешь — сделаться русским и участвовать в предстоящем великом деле; благодари за меня, за Огарева, — вот и все» (XI, 372—373).

В свете приведенных выше документов очевидно, что дату 3 января 1862 г., сообщаемую агентом III Отделения, можно считать достоверной.

В Гейдельберге проживало много русских студентов, открывших там весной 1862 г. русскую читальню. Вокруг этой читальни группировались сторонники и по-

читатели Герцена, в том числе В. И. Бакст, В. Ф. Лугинин и многие другие (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 4—6; т. 63, 1956, стр. 108—110). Как справедливо указал Я. З. Черняк, Огарев видел в гейдельбергской организации один из важнейших центров русского революционного движения за рубежом (там же, т. 63, стр. 118). Возможно, что поездка Герцена-сына в Гейдельберг была связана со стремлением издателей «Колокола» установить отношения с русской гейдельбергской колонией.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в Гейдельберге, как это заметил Б. П. Козьмин, «было немало поляков». Он назвал имена Авейды и Гауке (там же, т. 41-42, 1941, стр. 6). Кто из поляков присутствовал на банкете и кто был автором замечательной речи, публикуемой ниже, установить не удалось. Несомненно одно: между русскими и польскими гейдельбержцами существовали тесные отношения. Многие из русских гейдельбержцев сочувствовали освободительной борьбе польского народа, а некоторые из них, как, например, П. И. Якоби, В. О. Ковалевский, приняли участие во вспыхнувшем в 1863 г. польском восстании.

Приводим текст речи по рукописи, сохранившейся в «пражской коллекции», не исправляя стилистические неправильности и сохраняя полонизмы.

Господа! Получив приглашение ваше участвовать в обеде, которым вы желаете выразить сочувствие ваше к деятельности Герцена, мы с поспешностью и радостью его приняли. Сегодняшнее собрание наше делает, вероятно, на каждого из вас, равно как и на нас, необыкновенное впечатление оттого, что сегодня мы, поляки, в первый раз сошлись с вами, русскими, вместе, для одной цели и в одной мысли. Соединяет нас сегодня мысль и личность знаменитого редактора «Колокола», который первый могучим голосом своим пробудил дремлющую Россию, возбудил в большей части народа самые благородные желания свободы и показал, что великий ваш народ достоин и может достигнуть лучшей участи, в достижении которой препятствует ему вековой, крушащийся сегодня деспотизм. Имя Герцена в сердце русского народа выпечатано будет буквами благодарности, которая будет тем сильнее, чем сильнее укрепится ваше будущее. Оттого, что, вероятно, только в будущем заслуги Герцена надлежащим образом оценены будут. — Мы в Герцене глубоко почитаем человека, посвятившего всю жизнь свою великой идее свободы и страдавшего за нее; уважаем не только одного из малого числа тех русских, которые беспристрастно относятся к нашему польскому делу, но еще человека, который первый из русских смело и громко последовал за голосом благородной своей души и определил значение польского вопроса сообразно справедливости, правде и достоинству народному. Итак, господа, хотя мы делаем различие между значением Герцена в России и значением его в Польше, но, тем не менее, в личности его и его деятельности находим много сторон, которые и в нас и в вас одинаковые возбуждают чувства. Итак, воспользовавшись счастливою для нас возможностью находиться в первый раз в публичном собрании русских, я почитаю себе обязанностью высказать вам откровенно, как мы смотрим на отношения наши к русским и России. Мне случалось неоднократно слышать со стороны русских упрек в слепом фанатизме, в слепой народной ненависти, в том, наконец, что мы, поляки, отвергаем всякого рода примирение с русскими.

В несчастной стране нашей, где кровь льется, где тысячи и сотни гибнут в темнице или идут на изгнание за любовь к своей родине, где народ наш не видит иных русских, как только тех, которые в него стреляют, которые оскверняют его святыни¹ и отнимают ему его народность, язык и все то, что составляет святейшее достоинство каждого человека, в Польше, я говорю, при таких условиях требовать от массы народа, чтобы он примирился с русским народом, невозможно. Невозможно оттого, что между угнетенным и угнетителем примирения быть не может, как не может быть союза свободы с рабством, добродетели — с пороком. Можно ли требовать,

чтобы народ польский умел отличать правительство от народа русского, орудие — от воли, им двигающей, когда до сих пор народ русский ни разу не показал на деле, что он порицает гнусные поступки своего правительства в Польше, не отрекся от сообщничества с ним? Господа, вы знаете, что массы газет не читают, возвышенных речей не слышат; массам, как и истории, нужны дела, массы понимают только факты.

Мне кажется, что всякий беспристрастный русский поймет, что примирение Польши угнетенной с Россиею угнетающей совершенно противуестественно, что оно было бы для нас, поляков, унижительно и позорно. Но мы, которым счастливый случай позволил встретить русских, не похожих на тех, которые служат орудием деспотизма, а которые понимают, что угнетение нашей родины приносит не честь, а стыд России, которые разделяют светлый образ мысли Герцена, — мы умеем различать русский народ от русского правительства и его приверженцев. С последними мы до окончательного нашего освобождения ничего общего иметь не желаем, между нами и ними пропасть, которую можно будет заполнить только тогда, когда мы будем стоять в отношении таком, как равный к равному и вольный к вольному. Напротив, русские мыслящие, как вы, господа, нам не враги, а скорее братья и союзники. Да, господа, Герцен и все люди, разделявшие его мнения, — наши союзники, у них и у нас один враг — деспотизм, одно настоящее — общее угнетение, наконец, и цели наши почти одинаковы, потому что вы стремитесь к низвержению деспотизма, который давит вашу жизнь общественную, а мы стремимся к восстановлению нашей народной самобытности, без которой свобода и равенство у нас, а вероятно, и у вас, — немыслимы.

Что мы верим в искренность мыслей Герцена и чувств ваших, — присутствие тут наше доказывает лучше слабых слов моих. Да, господа, мы умеем различать Герцена и русских, ему сочувствующих, которых уважаем, как сотрудников одной идеи, от правительства и его сбиров, которыми пренебрегаем и об которых сожалеем. Вам, господа, мы верим и рассчитываем в решительную для нас минуту на ваше содействие не на словах, а на деле.

На тост, который вы так охотно исполнили, позвольте, господа, предложить другой — в честь декабристов, первых русских мучеников свободы, и искреннее желание, чтобы как можно скорее свободная Польша могла протянуть дружескую руку свободной России.

¹ Имеются в виду беспощадные расстрелы демонстраций в Царстве Польском в феврале — апреле 1861 г., а также события осени 1861 г. в Варшаве, когда царские войска, преследуя демонстрантов, ворвались в костелы. В знак протеста против «осквернения храмов» польское духовенство закрыло все костелы.

3

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО В КРАКОВЕ — ГЕРЦЕНУ

В одном из дел III Отделения, содержащем донесения агента Балашевича-Потоцкого, имеется в агентурной записи письмо Демократического польского общества в Кракове, адресованное Герцену. В своем донесении Балашевич-Потоцкий по этому поводу писал: «Прилагаю письмо к Герцену от Демократического общества из Кракова. Стенограф списал главное содержание» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861, д. 154, л. 338). Сообщаем текст письма (в переводе с французского):

<Краков *. 17 января 1862 г.¹>

Господин Герцен!

Общество приносит вам искреннейшую благодарность за доброе расположение и чувства в отношении польского дела. Мы надеемся, что, вступив

* Слово «Краков» написано по-русски рукой Балашевича-Потоцкого.

на путь освобождения наших угнетенных братьев, вы не перестанете быть нашим защитником и не сложите оружия, которым вы пользовались до настоящего времени для победы над деспотизмом.

Примите наилучшие пожелания и выражение благодарности от тех, кто сохранил в своих сердцах чувство признательности к вам.

17 января.

¹ Дата уточняется на основании донесения Балашевича.

4

М. А. БАКУНИН — Ю. ПШЕВЛОЦКОМУ

Публикуемое письмо сохранилось в перлюстрационной копии агента III Отделения. Письмо было запечатано в два конверта. На первом из них было написано: «Madame Marie Corday»; на втором: «Monsieur Joseph P.». Рукою агента в скобках было дописано: «Przewłocki». Письмо отправлено из Лондона, датировано 21 ноября 1862 г. и подписано буквой А. На нем помечен адрес отправителя: «Londres. 10, Paddington Green W.». Это адрес М. А. Бакунина. М. К. Лемке опубликовал перлюстрированное Балашевичем-Потоцким письмо Бакунина от 19 декабря 1862 г., отправленное им также на адрес «Marie Corday (J. P.)». Буквы в скобках Балашевич расшифровал как инициалы: «J. Przewłocki» (XV, 602—604). В свете изложенного становится очевидным, что публикуемое письмо было написано Бакуниным Пшевлоцкому, что его перлюстрировал агент III Отделения Балашевич-Потоцкий.

О Пшевлоцком мы можем сказать только, что его фамилия значится в списке членов общества «Польская молодежь» (И. М. Б е л я в с к а я. Указ. соч., стр. 110). Это еще одно свидетельство того, что общество «Польская молодежь» находилось в тесных отношениях с русскими революционерами.

Публикуемое письмо ярко раскрывает тактическую линию Бакунина накануне и в период польского восстания 1863 г. Бакунин высказался в нем за немедленное восстание, мало задумываясь при этом над реальными условиями и возможностями, а также и над тем, что будет после восстания. «Встанем дружно, повалим Голштейн-Готторпа, — писал он Пшевлоцкому, — а там все будут, чем захотят быть...».

Письмо печатается по перлюстрационной копии «краковской коллекции».

№ 46*

Londres. 21 nov<embre> 1862.
10, Paddington Green W.

Mes chers amis,

On nous a bien annoncé le renvoi de notre paquet, mais nous ne l'avons pas encore reçu. Lundi prochain nous enverrons un autre paquet à Frédéric¹ à l'adresse de Ad. 59, comme vous nous l'ordonnez.

Ecrivez le tout de suite à D<lusewski Jean>^{**2}, je vous prie, et ordonnez lui d'avertir Thorzewski ou moi aussitôt qu'il l'aura reçu ce paquet^{***}.

Франт<к?>³ в письме своем от 15 ноября, написанном у Фредерика, говорит следующее:

* Пометка агента. — *Ред.*

** Расшифровка агента. — *Ред.*

*** Дорогие друзья. — Нас уже известили об обратной отправке нашего пакета, но мы его еще не получили. В будущий понедельник pošлем другой пакет Фредерику¹ по адресу Ад. 59, как вы нам велели. Пожалуйста, напишите об этом сейчас же Д<лущевскому Яну>² и велите мне уведомить Тхоржевского или меня, как только он получит этот пакет (франц.).

D. <Dlusewski>* взял на себя получение и дальнейшую отправку (гранат). Пусть ему Ц. <Cwiarciaiewicz>*⁴ вышлет из Парижа примерно 5000 франков на первые издержки, а мы будем иметь расчет у *Максима с Камнем*⁵, — не бойтесь, друзья, мы здесь спать *не будем*. Друзья мои, все более и более убеждаясь в том, что он более склонен по природе своей к теоретической, чем к практической деятельности, предоставили окончательно практику мне. *А я спать не намерен* и хочу так же, как и вы, приготовить все к большому гулянью. — «Колокол» имеет свое данное направление и свой склад ума, и, может быть, они правы, что не хотят изменить старому плану, рассчитанному на более долгое время. Пусть «Колокол» продолжает следовать своему направлению, нам все-таки симпатичному, хотя и не соответствующему горячим требованиям времени. Помимо «Колокола», можно и должно действовать брошюрами. На днях напечатаны новые *солдатские песни превосходные*, вполне рассчитанные на склад солдатского сердца и солдатского ума и прямо *вызывающие солдат стоять заодно с поляками* и с русским народом против начальства и против царя-лиходея. Их я пошлю, лишь только получу известие от Д. о получении первого пакета. Писали ли вы *Камню* о том, что я говорил вам *«о деньгах для оружия и»* о деньгах не *для себя*, а для практической *пропаганды*? Если бы у меня были средства в руках, я повернул бы многое. Главное — верные, старые и обширные пути сообщения. Мы теперь об этом хлопочем с *Булевским*⁶ «я писал вам*», положительно же он, впрочем, сам об этом вам напишет. Обещали вы мне справиться об X⁷. Узнайте, если можете, где он теперь. Это чрезвычайно важно — все, что вы пишете о старой эмиграции, меня порадовало, но еще более порадовало, что вы мне говорите о сомнении к нам самого края, — о силе вашего крепкого *камня* — на него все надежды. Впрочем, судя по *специменту*, который вы здесь видели, могу сказать, что и дерево наше не плохо — будем надеяться, что союз их свяжет и нас и вас⁸, и будем с своей стороны делать все возможное, чтобы этот союз был бы и прочнее и сильнее. Вы правы, теперь не время нам более друг с другом торговаться. Встанем дружно, повалим Голиштейн-Готорпа, а там все будут, чем захотят быть... Получил, наконец, сегодня 5 № «*Baczność*»⁹. Ругают сильно и вас и нас. Mais grondez-nous — cela ne me fait ni chaud, ni froid**. Собака¹⁰ лает — ветер носит. А Клячко¹⁰, право, молодец, что поколотил Калинку¹¹. Поезжайте ж к нему, если он не убеждение <!> по таланту, нельзя ли вам будет приобрести этот талант? Литературных талантов у вас не слишком много. Пишу вам обоим за один раз.

А.

¹ Личность *Фредерика* установить не удалось.

² Фамилия Яна *Длушевского* значится в списке членов общества «Польская молодежь» (И. М. Белявская я. Указ. соч., стр. 110).

³ Сведениями о Франтке мы не располагаем.

⁴ Юзеф *Цверцкевич* — видный деятель польской демократической эмиграции. Хорошо знал издателей «Колокола» и Бакунина.

⁵ Вероятно, под прозвищем «Максим с Камнем» скрываются Герцен и Огарев. Это предположение можно сделать на основании текста письма. Так, после слов: «...мы будем иметь расчет у Максима с Камнем» — Бакунин пишет: «Друзья мои, все более и более убеждаясь в том, что он более склонен по природе своей к теоретической, чем к практической деятельности, предоставили окончательно практику мне». Именно Герцена Бакунин считал склонным к теоретической, а не практической деятельности. Вероятность того, что под «Камнем» следует подразумевать Герцена, подтверждается еще одним местом письма, где Бакунин пишет: «Писали ли вы *Камню* о том, что я говорил вам о деньгах не *для себя*, а для практической *пропаганды*? Если бы у меня были средства в руках, я повернул бы многое». Из всего своего русского окружения денежным человеком Бакунин считал только Герцена.

⁶ Л. *Булевский* — член Центриализации Польского демократического общества в Лондоне. Был близок с Бакуниным. Герцен относился к Булевскому отрицательно (см. XIV, 445—446).

* Расшифровка агента. — *Ред.*

** Но ворчите на нас — от этого мне ни холодно, ни жарко (франц.).

⁷ Возможно, что речь идет об И. Хмелинском, одном из представителей польской повстанческой организации, который находился тогда в Париже.

⁸ По всей вероятности, Бакунин имел в виду предстоявшие между представителями Центрального национального комитета и общества «Земля и воля» переговоры, которые состоялись в конце ноября — начале декабря 1862 г. в Петербурге.

⁹ «*Wapności*» — газета, издававшаяся Л. Мерославским в Париже.

¹⁰ Юлиан *Клячко* — польский публицист.

¹¹ *Калинка* — ксендз, историк и публицист, был близок к «Отелю Ламберт».

5

В. И. КАСАТКИН — М. А. БАКУНИНУ

Это письмо, сохранившееся в перлюстрационной копии «краковской коллекции», является убедительным свидетельством того, что русские революционеры, в том числе из среды офицеров, стремились принять участие в польском восстании 1863 г.

КОПИЯ, С ПИСЬМА ПРОЖИВАЮЩЕГО В ЖЕНЕВЕ КАСАТКИНА
М. А. БАКУНИНУ*

(Женева. 20 февраля 1863 г.)¹

Многоуважаемый Михаил Александрович!

Один из знакомых вам наших офицеров, именно Р—², хочет в Польшу. У нас найдутся средства для его проезда. Паспорт также постараемся достать. Но ему нужны рекомендательные письма к кому-нибудь из польских вождей на месте. Предполагая, что ваши сношения с поляками не прерваны, просим вас выслать для Р. нужные к кому можете письма.

Мы не вправе отговаривать его от решимости стать в ряды бьющихся за их и нашу свободу. Степень же опасности ручается за то, что он доберется до места осторожно и разборчиво.

Отъезд его зависит от скорости вашего ответа, который со вложением нужных писем просим вас выслать *Via Belgium, Genève. Mr Bovard, route de Lyon, 56.*

Преданный вам В.

(Виктор**)

20 февраля.

¹ Год устанавливается по содержанию письма.

² Не подлежит сомнению, что в письме речь идет о русском офицере Рейнгарте, с которым, как это видно из письма Бакунина Фогту от 18 ноября 1862 г. («краковская коллекция»), Бакунин был уже знаком в это время. В марте 1863 г. Рейнгарт принял участие в морской экспедиции польских повстанцев на пароходе «*Ward Jackson*» (см. XIV, 442—453). Письмо Бакунина к Герцену и Огареву от 9 апреля 1863 г. не оставляет никаких сомнений в том, что Рейнгарт (так называл его Бакунин), или Л. А. Ренгартен был русским офицером. В этом письме Бакунин писал: «Положение нашего Рейнгарта было также нелегко и неловко. Все называли его москалем и спрашивали, что он между поляками делает» (XVI, 228). См. о *Ренгартене* в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 753.

А. МИЛЕВСКИЙ — ИЗДАТЕЛЯМ «КОЛОКОЛА»

Публикуемый отрывок письма, дошедший до нас в перлюстрационной копии («краковская коллекция»), является важным свидетельством обращения деятелей польского освободительного движения в период восстания 1863 г. к русским революционерам с просьбой о помощи и содействии, чтобы соединить «общие усилия против общего врага». Обращает на себя внимание тот факт, что письмо прислано из Кракова, с Демократическим обществом которого Герцен, как это уже было отмечено выше, имел связи еще в январе 1862 г. В отрывке не указывается, к кому из русских деятелей обращено

* Заголовок надписан агентом. — *Ред.*

** Расшифровка агента. — *Ред.*

это письмо, однако из его содержания видно, что в нем излагается просьба о напечатании воззваний «к русскому юношеству, студентам, купечеству и вообще свободомыслящим». В письме к В. И. Касаткину от 4 апреля 1863 г. Герцен сообщает: «Из Кракова нас просят напечатать воззвание к университетам и расколам» (XVI, 202). Это дает основание считать, что письмо было обращено к издателям «Колокола». Мы пока ничего не можем сказать об авторе письма, А. Милевском. Известно лишь одно упоминание о нем в донесении агента III Отделения Балашевича-Потоцкого от 25 января 1862 г. как о деятеле польской демократической эмиграции в Париже (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экзп., д. 154, л. 377).

<Краков. 20 марта 1863 г.>¹

... мою просьбу и общую нашу, — о возможно скором содействии, которое может улучшить наше положение. Храбрости мало против силы, необходима хитрость. От вас зависит отдать руку братнюю для общей свободы.

Напечатайте воззвание к русскому юношеству, студентам, купечеству и вообще свободомыслящим, чтобы соединили общие усилия против общего врага. Мы продержимся до весны, несмотря на все варварства пьяных солдат; крови так много невинной пролито, что из нее восстанут новые мстители.

Если наша просьба найдет отголосок в вашем сердце — торопитесь, и отдельные оттиски можете выслать в Краков на имя *Кристъяна Островского*², *Hotel pod Różą*. Ваш ответ будет сигналом радости или печали. Известите, где Михаил Александрович Б<акунин>. Ни слуху об нем³. Ответ можете передать К. (подателю), который едет в Краков.

Весь ваш

А. М и л е в с к и й

20 марта.

¹ Год устанавливается по содержанию письма.

² К. *Островский* — польский эмигрант, публицист. Был знаком с Герценом и состоял с ним в переписке.

³ М. А. Бакунин находился в это время в Швеции.

7

А. А. ГЕРЦЕН — АЛЕКСАНДРУ ПИПО

Кто такой Александр Пипо — установить не удалось. Возможно, это конспиративный псевдоним. Из содержания публикуемого письма, сохранившегося в перлюстрационной копии «краковской коллекции», видно, что адресатом его был русский, посвященный в планы революционной деятельности издателей «Колокола». О какой экспедиции идет речь в письме, также остается неизвестным. То ли об экспедиции в связи с ожидавшейся войной западных держав против России (в письме определенно говорится о возможности такой войны, а в ее результате — о падении Голштейн-Готторпской династии), то ли о предстоящей поездке А. А. Герцена в Швецию для переговоров с революционными организациями Швеции и Финляндии (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 486, 518—522). Известно, что деятельность А. А. Герцена в 1863 г. была связана как с польским восстанием, так и с обществом «Земля и воля» (там же, стр. 128). Публикуемое письмо является еще одним доказательством этого. Отрывки из него были частично опубликованы М. К. Лемке (см. XVI, 225).

Лондон. 3 мая <1863 г.>¹

Orsett h<ouse>. West<bourne> ter<race>

По известиям достоверным, сочувствие к польскому восстанию увеличивается; видно, что Франция, Швеция и Италия ждут только удобного случая.

Не знаем, как выйдет Россия из этой новой войны, вызванной дикими мерами петербургского кабинета. Во всяком случае, падение Гольштейн-Готторпской династии неизбежно.

Наши друзья приехали в Лондон, чтобы серьезно обдумать план экспедиции — жаль, что Фрикен² в Риме. Если у вас есть время, приезжайте к нам, да притом ваше присутствие крайне необходимо. Что касается Тургенева, то его дело приняло лучший оборот: комиссия А. Ф. Голицына, известного негодая, требовала Тургенева в Петербург и только вследствие заступничества самого государя удовольствовались посылкой вопросных пунктов, составленных в помойной яме III Отделения³. Гр. А. Куш(елев) выслал нам 830 фун(тов) стерл(ингов) на наши расходы, мы это внесли в общий фонд⁴. Дим(итрий) Друцк(ой) и Набоков скучают во Флоренции, Аладин тоже, мы ожидаем от них известий⁵. В Цюрих посланы все бумаги(?), и нас крайне удивляет, что еще не получены. Адрес Друцкого во Флоренции — *Via de Baneti* 4.

Пишите и приезжайте

Ваш А. Герцен

A m-r Alexandre Pipo à Zurich (Suisse).

Poste restante, чрез Париж, 4 мая.

¹ Год устанавливается на основании упоминания в письме о польском восстании 1863 г.

² Алексей Федорович Фрикен — русский искусствовед, приехавший в Италию для изучения итальянского искусства. С большим сочувствием относился к национально-освободительной борьбе итальянского народа и написал ряд статей об итальянских событиях для русских газет и журналов. Был в дружеских отношениях с Герценом и его семьей (см. выше письма Герцена к Н. А. Герцену). Публикуемое письмо дает основание предполагать, что Фрикен сочувственно относился к политической деятельности Герцена. Это предположение подтверждается также письмом Фрикена некоему Кривошапкину от 13 апреля 1863 г. из Рима (перлюстрационная копия этого письма находится в «Кравовской коллекции»), в котором Фрикен отмечает: «Польский вопрос вызвал головокружение, но это и подвигнет наше дело». Из этого же письма видно, что Фрикен выполнял в Риме какие-то поручения. Впоследствии Фрикен совершенно отошел от Герцена и в 1868 г. возвратился в Россию.

³ В феврале 1863 г. III Отделение обвинило И. С. Тургенева в «отношениях с лондонскими пропагандистами» и потребовало его приезда в Россию, угрожая в случае неповиновения конфискацией имущества. Однако дело ограничилось письменными ответами Тургенева на вопросник, составленный III Отделением.

⁴ Речь, несомненно, идет о графе Г. А. Купелеве-Безбородко. Известно еще одно свидетельство об этом его взносе в «общий фонд» (там указывается, впрочем, сумма в 850 фунтов стерлингов — см. XVI, 278). Несомненно, что и в том, и в другом случае речь идет об одном и том же взносе. Агент, перлюстрировавший письмо А. А. Герцена, ошибочно написал 830 фунтов стерлингов, вместо 850.

⁵ Д. В. Друцкой-Соколинский, Набоков, Аладин — русские дворяне, проживавшие в Италии. Как видно из публикуемого письма, они были знакомы с А. А. Герценом, и он ожидал от них каких-то известий. В какой мере они были связаны с деятельностью издателей «Колокола» и как относились к ней, установить не удалось. М. К. Лемке привел свидетельство Балашевича-Потоцкого, говорящее о враждебном отношении Друцкого-Соколинского к деятельности Герцена (см. XVI, 225).

ПРОТЕСТ ПОЛЬСКИХ ЭМИГРАНТОВ ПРОТИВ ИЗДАТЕЛЕЙ «КОЛОКОЛА»

1 ноября 1866 г. в л. 224 «Колокола» была помещена статья Огарева «Продажа имений в Западном крае». Эта статья, как верно заметил Я. З. Черняк, вызвала «конфликт редакции „Колокола“ с польскими и русскими демократическими деятелями» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 133—134). С листовкой «Польский вопрос. Протест русского против „Колокола“» выступил А. А. Серно-Соловьевич, считавший опубликование статьи Огарева «громадной политической ошибкой» (см. там же, т. 41—42, 1941, стр. 113—115). Польские эмигранты также очень резко реагировали на вы-

стушение «Колокола» и прервали с его издателями всякие отношения. Об этом сообщает, например, князь П. В. Долгоруков в письме к Е. Д. Долгоруковой от 21 ноября 1866 г. (см. ЦГИАМ, ф. 109, 2-й секр. архив, 1866, д. 233). Балашевич-Потоцкий в донесении в III Отделение из Лондона за № 502, написанном не позднее середины ноября 1866 г., сообщал: «Спешу прислать весьма интересный документ, объясняющий причину разрыва польской эмиграции с Герценом и компанией. Опираясь на данные, мы постараемся придать гласность этому факту и положить преграду на будущее время. 14 ноября получен в Лондоне протест польских эмигрантов в Женеве, объявляющий разрыв с Герценом и русской эмиграцией...» (ЦГИАМ, ф. 109, 2-й секр. архив, 1866, д. 543). Как видно из донесения агента, протест был принят на общем собрании польских эмигрантов в Женеве 6 ноября 1866 г., созданном в связи со статьей Огарева в «Колоколе» (там же).

Обращение Герцена «К нашим польским братьям», датированное также 6 ноября 1866 г., было, конечно, вызвано именно этим собранием (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 135). В этом обращении Герцен говорит о недоразумении, с которым надо братски покончить, поясняет, что высказывание Огарева о предоставлении в Западном крае земель крестьянам (а не помещикам) составляет основу его и Огарева убеждений, однако замечает, что, возможно, эти убеждения были высказаны не вовремя. Таким образом, Герцен, не отказываясь от существа взглядов, выраженных в статье Огарева, был склонен признать несвоевременность выступления «Колокола» по этому вопросу (там же). Обращение «К польским братьям» Герцен был намерен опубликовать как ответ на протест поляков в печати (см. XIX, 199). В одном из писем того времени он отметил, что польский протест до 1 декабря не появился в печати (см. XIX, 134—135). Из приведенных данных очевидно, что ни польский протест, ни обращение Герцена к полякам до 1 декабря 1866 г. в печати не появлялись. Несмотря на это, Я. З. Черняк высказал предположение, что обращение Герцена «Нашим польским братьям» все же было опубликовано (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 134—135). В «пражской коллекции» сохранился документ на французском языке под заглавием «Протест поляков против русификаторства в „Колоколе“, подписанный следующим образом: «От имени польских изгнанников, находящихся в Женеве, Комитет». Документ не датирован. На нем имеется пометка: «Женева — типография Пфееффера и Пуки». Это та же типография, в которой был напечатан и протест А. А. Серно-Соловьевича (см. «Лит. наследство», т. 41—42, 1941, стр. 115). То обстоятельство, что в середине декабря 1866 г. Герцен отмечал, что поляки «хотят официально мириться» (XIX, 138), дает основание считать, что обмен обращениями в печати между поляками и Герценом мог иметь место до декабря 1866 г., ибо только после выяснения недоразумений и могло состояться примирение, либо возникнуть стремление к нему. Об этом примирении, как о свершившемся факте, сообщал в донесении от 21 февраля 1867 г. женевский агент III Отделения. «Между Герценом и компанией и предводителями польской революционной партии, — писал он, — состоялось соглашение в том смысле, что обе партии будут стремиться к одной цели...» (см. ЦГИАМ, ф. 109, 2-й секр. архив, 1867, д. 167).

Публикуемый протест польских эмигрантов против издателей «Колокола» убедительно показывает, что польские эмигранты рассматривали статью Огарева с крайне националистических позиций и расценивали ее как «последний удар», наносимый «польской национальностью». Предложение же Огарева о наделении земель местных крестьян, и не только местных, за счет польских помещиков Западного края, они считали «вторжением русского населения на польскую территорию». В связи с этим они обрушились на издателей «Колокола» с самой резкой бранью и даже сравнивали их с Муравьевым, Катковым и другими прислужниками царизма. Таким образом и в этом документе националистически настроенные польские деятели рассматривали литовско-белорусские земли (а они-то и составляли Западный край) как польскую территорию. Крайний национализм, широко распространенный среди польских эмигрантов, придал конфликту особую остроту. Только небольшая группа польских революционных демократов, объединявшаяся вокруг журнала «Гимна», выступила против «националистического шквала» польской эмиграции, обрушившегося на изда-

телей «Колокола». В этом журнале была опубликована статья, в которой был выражен протест против недопустимого сопоставления издателей «Колокола» с Муравьевым и Катковым. «Пусть хотя бы один голос, голос слабый и среди крика реакции едва слышный, будет подан в защиту тех, кто заслуживает самой глубокой благодарности», — писал один из редакторов «Гмины» Токаржевич. Выступая против русских и польских шовинистов и националистов, редакция «Гмины» заявляла: «Будущее покажет, что в отношениях между польским и русским народом имеется лишь одно вредное препятствие — царь со свитой московских и польских бояр» (см. C. B o b i ŋ s k a. Указ. соч., стр. 60).

ПРОТЕСТ ПОЛЯКОВ ПРОТИВ РУСИФИКАТОРСТВА В «КОЛОКОЛЕ» *

Борясь в течение века за свою свободу и независимость, польский народ полагал, что у него в России только один враг — это санкт-петербургское правительство, под деспотизмом которого и сам русский народ влачит печальное и унижительное существование.

Польский народ признавал себя обязанным придерживаться идеи солидарности в борьбе до окончательной победы над этим врагом, цель которой разбить цепи ненавистного деспотизма, тяготевшего над польским и русским народом. Эта мысль побуждала наших мучеников в 1819—1866 гг. объединяться с русскими людьми, — с людьми, в свою очередь, понимавшими, что монголо-готторпское правительство — наш общий враг. Неустанно и неизменно стремились мы бороться с этим врагом цивилизации, свободы и человечности. Этому святому делу были принесены в жертву наша кровь, жизнь и состояние!

Исполненные непреклонной веры в нерушимость нашего национального духа, мы, поляки, до сих пор всегда с безропотным спокойствием сносили все столь хорошо известное цивилизованному миру жестокости, которые русское правительство не прекращает изобретать, чтобы уничтожить нашу национальность. С презрением читали мы прежде и читаем теперь царские указы, направленные на уничтожение того или иного сословия, в той или иной из наших провинций; мы полны непоколебимой и глубокой уверенности, что на земле, политой нашей кровью, на земле, где покоится прах наших отцов, в свою очередь боровшихся за дело человечества, никогда не перестанет существовать народ, который навсегда сохранит, какова бы ни была его судьба, верность знамени свободы и независимости.

Мы верили в чувства самого русского народа, верили представителям его мысли в лице его эмиграции, вожди которой гг. Герцен и Огарев в течение многих лет как редакторы журнала «Колокол» храбро боролись с злоупотреблениями деспотичного и жестокого правительства.

Но увы! появление 1 ноября в № 229 указанного журнала статьи под заглавием: «Продажа имений в Западном крае», подписанной Н. Огаревым, повергло нас в изумление. То, на что не решались Муравьевы, Катковы, Безаки, Кауфманы, то взял на себя смелость подсказать царю г. Огарев, а именно он предлагает: вывести из центральной России тысячи крестьян (для начала автор статьи намеревается взять из Орловской и Курской губерний 100 000 человек), продать этим крестьянам земли польских помещиков (вынужденных к принудительной их продаже с тем, чтобы быть затем изгнанными из родного края); продать эти земли с рассрочкой платежей на несколько лет; привлечь и соблазнить указанных крестьян дешевизной этих земель (ибо ежегодный взнос не превышает примерно 18 франков); освободить затем крестьян на несколько лет от обязательных государственных налогов; наконец, облегчить им переселение, предоставив бесплатный

* Документ на французском языке.

проезд по казенным железным дорогам и т. д. и т. д. Итак, подобным вторжением русского населения на нашу территорию пытаются, очевидно, нанести последний удар польской национальности!..

Избавив царя от труда сочинять столь дьявольский план, «Колокол» берет на себя ответственность, сталкивая друг с другом уже не народ и правительство, а две самостоятельные народности. Мы были глубоко возмущены при виде такой измены!

Теперь нам остается только заявить перед всем миром и перед самим русским народом, что мы отрекаемся от столь лживых друзей и протестуем против этих лжепредставителей русского народа!

Надеясь, что взгляды г. Огарева не разделяются русским народом, мы ждем голоса его сынов! Если бы, однако, наши надежды не оправдались, если бы в будущих битвах наши горе-мстители вместо того, чтобы омыть себя кровью царских сборов и подлых его шпионов, поразили бы невинную грудь русского народа, тогда строки, набросанные здесь, напоминали бы цивилизованному миру, что не польский народ, и на сей раз даже не царь, вызвали оба народа на смертный бой, а не кто иной как гг. Герцен и Огарев, которым, вместе со всей либеральной Европой, мы до сих пор всецело доверяли.

От имени польских изгнанников, находящихся в Женеве,

К о м и т е т

Женева, типография Пфёффера и Пуки.